

Фенька

Забавная история о маленькой девочке, придуманная Л.И. Пантелеевым, понравится ребятам. Сказка Фенька, написанная в шестидесятые годы прошлого века, не потеряла своих почитателей. Малышка ростом не больше пальца напоминает героев произведений мировой литературы. Персонаж создан веселым, необычным, как внешне, так и внутренне. Неожиданные предпочтения домовенка в питании, сне и работе по дому вызывают чувство нежности и желание накормить, напоить, защитить безобидное существо. Автор показан сердобольным и изобретательным: ему жаль волшебного ребенка, но одновременно он хочет, чтобы в доме был всегда порядок, поэтому и придумывает разные варианты совместимости.

Дело было вечером. Я лежал на диване, курил и читал газету. В комнате никого, кроме меня, не было. И вдруг я слышу — кто-то царапается. Кто-то чуть слышно, тихонечко стучит по оконному стеклу: тик-тик, тук-тук. «Что, — думаю, — такое? Муха? Нет, не муха. Таракан? Нет, не таракан. Может быть, дождь капает? Да нет, какой там дождь, — дождём и не пахнет...»

Повернул я голову, посмотрел — ничего не видно. На локте привстал — тоже не видно. Прислушался — как будто тихо.

Лёг я. И вдруг опять: тик-тик, тук-тук.

«Фу, — думаю. — Что такое?»

Надоело мне, встал я, бросил газету, подошёл к окну и — глаза вытаращил. Думаю: батюшки, что это мне — во сне снится, что ли? Вижу — за окном, на узеньком железном карнизе, стоит — кто вы думаете? Стоит девочка. Да такая девочка, о каких вы и в сказках не читывали.

Ростом она будет поменьше самого маленького мальчика с пальчика. Ножки у неё босые, платье всё изодрано; сама она толстенькая, пузатая, нос пуговкой, губы какие-то оттопыренные, а волосы на голове рыжие и торчат в разные стороны, как на сапожной щётке.

Я даже не сразу поверил, что это девочка. Я подумал сначала, что что какой-то зверёк. Потому что я никогда раньше таких маленьких девочек не видел.

А девочка стоит, смотрит на меня и изо всех сил своим кулачишкой по стеклу барабанит: тик-тик, тук-тук.

Я у неё через стекло спрашиваю:

— Девочка! Тебе что надо?

А она не слышит меня, не отвечает и только пальцем показывает: дескать, открой, пожалуйста, а ну открой поскорей!

Тогда я отодвинул задвижку, открыл окно и впустил её в комнату.

Я говорю:

— Чего же ты, глупышка, в окно лезешь? Ведь у меня ж дверь открыта.

А она мне, я помню, тоненьким-тоненьким голоском отвечает:

— Я в дверь не умею ходить.

— Как не умеешь?! В окно умеешь, а в дверь не умеешь?

— Да, — говорит, — не умею.

«Вот так, — думаю, — чудо-юдо ко мне привалило!»

Удивился я, взял её на руки, вижу — она вся дрожит. Вижу — боится чего-то. Оглядывается, на окно посматривает. Лицо у неё всё заплаканное, зубки стучат, а в глазах ещё слёзы поблёскивают.

Я у неё спрашиваю:

— Ты кто такая?

— Я, — говорит, — Фенька.

— Какая такая Фенька?

— Такая вот... Фенька.

— А где ты живёшь?

— Не знаю.

— А где твои папа с мамой?

— Не знаю.

— Ну, — я говорю, — а откуда ты пришла? Почему ты дрожишь? Холодно?

— Нет, — говорит, — не холодно. Жарко. А я дрожу потому, что за мной сейчас собаки по улице гнались.

— Какие собаки?

А она мне опять:

— Не знаю.

Тут уж я не вытерпел, рассердился и говорю:

— Не знаю, не знаю!.. А чего же ты тогда знаешь?

Она говорит:

— Я есть хочу.

— Ах вот как! Это ты знаешь?

Ну, что ж с ней поделаешь. Посадил я её на диван, «посиди», говорю, а сам пошёл на кухню, поискать, нет ли чего-нибудь съедобного. Думаю: только вот вопрос, чем её кормить, этакое чудовище? Налил ей на блюдечко кипячёного молока, хлеба нарезал маленькими кусочками, котлету холодную раскрошил.

Прихожу в комнату, смотрю — где же Фенька? Вижу — на диване никого нет. Удивился я, стал кричать:

— Феня! Феня!

Никто не отвечает.

Я опять:

— Феня! А Феня?

И вдруг слышу откуда-то:

— Я тут!

Нагнулся — она под диваном сидит.

Рассердился я.

— Это, — говорю, — что за фокусы такие?! Ты почему это на диване не сидишь?

— А я, — говорит, — не умею.

— Что-о? Под диваном умеешь, а на диване не умеешь? Ах ты такая-сякая! Ты, может быть, и за столом за обеденным не умеешь сидеть?

— Нет, — говорит, — это умею.

— Ну, так садись, — говорю.

Посадил её за стол. Стул ей поставил. На стул книг целую гору навалил — чтобы повыше было. Вместо передника носовой платок повязал.

— Ешь, — говорю.

Только вижу — не ест. Вижу — сидит, ковыряется, носом сопит.

— Что? — говорю. — В чём дело?

Молчит, не отвечает.

Я говорю:

— Ты же есть просила. Вот — ешь, пожалуйста.

А она покраснела вся и вдруг говорит:

— Нет ли у вас чего-нибудь повкуснее?

— Как повкуснее? Ах ты, — я говорю, — неблагодарная! Тебе, что ж, конфет надо, что ли?

— Ах нет, — говорит, — что вы, что вы... Это тоже невкусно.

— Так чего же тебе? Мороженого?

— Нет, и мороженое невкусное.

— И мороженое невкусное? Вот тебе и на! Так чего же тебе, скажи пожалуйста, хочется?

Она помолчала, носиком посопела и говорит:

— Нет ли у вас немножко гвоздиков?

— Каких гвоздиков?

— Ну, — говорит, — обыкновенных гвоздиков. Железеньких.

У меня даже руки от страха затряслись.

Я говорю:

— Так ты что же это, значит, гвозди ешь?

— Да, — говорит, — я гвоздики очень люблю.

— Ну, а ещё что ты любишь?

— А ещё, — говорит, — я люблю керосин, мыло, бумагу, песок... только не сахарный. Вату люблю, зубной порошок, гуталин, спички...

Я думаю:

«Батюшки! Неужели это она правду говорит? Неужели она действительно гвоздями питается?»

«Ладно, — думаю. — Давай проверим».

Вытащил из стены большой ржавый гвоздь, почистил его немножко.

— На, — говорю, — ешь, пожалуйста!

Я думал, она не будет есть. Думал, она просто фокусничает, притворяется. Но не успел я оглянуться, она — раз-раз, хруп-хруп весь гвоздь сжевала. Облизнулась и говорит:

— Ещё!..

Я говорю:

— Нет, голубушка, извиняюсь, у меня больше гвоздей для тебя нет. Вот, если хочешь, — бумаги, пожалуйста, могу дать.

— Давай, — говорит.

Дал ей бумагу — она и бумагу съела. Спичек дал целый коробок — она и спички в два счёта скушала.

Керосину на блюдечко налил — она и керосин вылакала.

Я только смотрю и головой качаю. «Вот так девочка, — думаю. — Такая девочка, пожалуй, и тебя самого съест в два счёта. Нет, — думаю, — надо гнать её в шею, обязательно гнать. Куда мне такое страшилище, людоедку такую!!»

А она керосин выпила, блюдечко вылизала, сидит, зевает, носом клюёт: спать, значит, хочется.

И тут мне её, вы знаете, что-то жалко стало. Сидит она, как воробушек — съёжилась, нахохлилась, — куда ж её, думаю, такую маленькую на ночь глядя гнать. Её ведь, такую пичужку, и в самом деле собаки могут загрызть. Я думаю: «Ладно, так уж и быть, — завтра выгоню. Пускай выспится у меня, отдохнёт, а завтра утречком — до свиданьица, иди откуда пришла!..»

Подумал я так и стал ей готовить постель. Положил на стул подушку, на подушку — ещё подушечку, маленькую, из-под булавок у меня такая была. Потом уложил Феньку, укрыл её вместо одеяла салфеткой.

— Спи, — говорю. — Спокойной ночи!

Она сразу и захрапела.

А я посидел немножко, почитал и тоже спать лёг.

Утром, как только проснулся, пошёл посмотреть, как там моя Фенька поживает. Прихожу, смотрю — на стуле ничего нет. Ни Феньки нет, ни подушки нет, ни салфетки... Вижу — лежит моя Фенечка под стулом, подушка у неё под ногами, голова на полу, а салфетки — так той и вовсе не видно.

Я разбудил её, говорю:

— Где салфетка?

Она говорит:

— Какая салфетка?

Я говорю:

— Такая салфетка. Которую я тебе давеча вместо одеяла устроил.

Она говорит:

— Не знаю.

— Как это не знаешь?

— Честное слово, не знаю.

Стали искать. Я ишу, а Фенька мне помогает. Ищем, ищем — нету салфетки.

Вдруг Фенька мне говорит:

— Слушайте, не ищите, ладно. Я вспомнила.

— Что, — я говорю, — ты вспомнила?

— Я вспомнила, где салфетка.

— Ну, где?

— Я её нечаянно скушала.

Ох, рассердился я, закричал, ногами затопал.

— Обжора ты этакая, — говорю, — утроба ты ненасытная! Ведь этак же ты мне весь дом сожрёшь.

Она говорит:

— Я не нарочно.

— Как это не нарочно? Нечаянно салфетку съела? Да?

Она говорит:

— Я ночью проснулась, мне есть захотелось, а вы мне ничего не оставили. Вот сами и виноваты.

Ну, я с ней, конечно, спорить не стал, плюнул и ушёл на кухню завтрак готовить. Себе сделал яичницу, кофе сварил, бутербродов намазал. А Феньке — нарезал газетной бумаги, накрошил туалетного мыла и сверху всё это керосинчиком полил. Приношу этот винегрет в комнату, смотрю — моя Фенька полотенцем лицо вытирает. Я испугался, мне показалось, что она ест полотенце. Потом вижу — нет, лицо вытирает.

Я у неё спрашиваю:

— Ты где воду брала?

Она говорит:

— Какую воду?

Я говорю:

— Такую воду. Одним словом, — где ты мылась?

Она говорит:

— Я ещё не мылась.

— Как не мылась? Так чего ж ты тогда вытираешься?

— А я, — говорит, — всегда так. Я сначала вытрись, а потом вымоюсь.

Я только рукой махнул.

— Ну, — говорю, — ладно, садись, ешь скорей и — до свиданья!..

Она говорит:

— Как это «до свиданья»?

— Да так, — говорю. — Очень просто. До свиданья. Надоела ты мне, голубушка. Уходи поскорее, откуда пришла.

И вдруг вижу — моя Феня как задрожит, как затрясётся. Кинулась ко мне, за ногу меня схватила, обнимает, целует, а у самой из глазёнок слёзы так и текут.

— Не гоните меня, — говорит, — пожалуйста! Я хорошая буду. Пожалуйста! Прошу вас! Если вы меня кормить будете, я никогда ничего — ни одного гвоздика, ни одной пуговки без спросу не съем.

Ну, одним словом, мне её опять жалко стало.

Детей у меня тогда не было. Жил я один. Вот я и подумал: «Что ж, не объест ведь меня эта пигалица. Пускай, — думаю, — погостит у меня немножко. А там видно будет».

— Ладно, — говорю, — так уж и быть. В последний раз тебя прощаю. Но только смотри у меня...

Она сразу повеселела, запрыгала, замурлыкала.

Потом я ушёл на работу. А перед тем как уйти на работу, я сходил на рынок и купил полкило маленьких сапожных гвоздей. Штук десять я оставил Феньке, а остальные положил в ящик и ящик закрыл на ключ. На работе я всё время о Феньке думал. Беспокоился. Как она там? Что делает? Не натворила ли чего-нибудь? Прихожу домой — Фенька сидит на окне, мух ловит. Увидела меня, обрадовалась, в ладошки захлопала.

— Ой, — говорит, — наконец-то! Как я рада!

— А что? — говорю. — Скучно было?

— Ой, как скучно! Прямо не могу, до чего скучно!

Взял её на руки. Говорю:

— Есть, наверно, хочешь?

— Нет, — говорит. — Ни капельки. У меня ещё три гвоздя от завтрака осталось.

«Ну, — думаю, — если три гвоздя осталось, значит, всё в порядочке, значит, она ничего лишнего не съела».

Я похвалил её за хорошее поведение, немножко с ней поиграл, потом занялся своими делами.

Мне нужно было написать несколько писем. Я сажусь за письменный стол, открываю чернильницу, гляжу — чернильница у меня пустая. Что такое? Ведь я только третьего дня чернила туда наливал.

— А ну, — говорю, — Фенька! Иди сюда!

Она прибегает.

— Да? — говорит.

Я говорю:

— Ты не знаешь, куда у меня чернила девались?

— А что?

— Да ничего. Знаешь или не знаешь?

Она говорит:

— Если вы ругаться не будете, тогда скажу.

— Ну?

— Не будете ругаться?

— Ну, не буду.

— Я их выпила.

— Как выпила?! Ты же мне, — я говорю, — обещала...

Она говорит:

— Я обещала вам не есть ничего. А не пить я не обещала. И вы, — говорит, — опять сами виноваты. Зачем вы мне таких солёных гвоздей купили? От них пить хочется.

Ну вот — поговорите вы с ней! Опять я виноват.

Я думаю: что же мне делать? Ругаться? Да нет, руганью тут делу не поможешь. Думаю: надо ей какую-нибудь работу, какое-нибудь занятие найти. Это она от безделья глупостями занимается. А когда я её работать заставлю, ей некогда будет дурака-то валять.

И вот на другой день утром я ей даю метёлку и говорю:

— Вот, Феня, я ухожу на работу, а ты пока делом займись: прибери комнату, пол подмети, пыль вытри. Сумеешь?

Она даже засмеялась.

— Эва, — говорит, — невидаль. Что ж тут не сумеешь? Конечно, сумею.

Вечером я прихожу, смотрю: в комнате — пыль, грязь, на полу бумажки валяются.

— Эй, Фенька! — кричу.

Она из-под кровати вылезает.

— Да! — говорит. — В чём дело?

— Ты почему это пол не подмела?

— Как это почему?

— Вот именно: почему?

— А чем, — говорит, — его подметать?

— Метёлкой.

Она говорит:

— Нету метёлки.

— Как это нету?

— Очень просто: нету.

— Куда же она девалась?

Молчит. Носом сопит. Значит, дело неладно.

Я говорю:

— Съела?

— Да, — говорит. — Съела.

Я так на стул и упал. Я даже рассердиться позабыл.

Я говорю:

— Чудовище! Да как же это ты умудрилась метёлку слопать?

Она говорит:

— Я, честное слово, даже сама не знаю. Как-то незаметно, по одному прутику...

— Ну, что же, — я говорю, — мне теперь делать? Железную метёлку для тебя, что ли, заказывать?

— Нет, — говорит.

— Что «нет»?

— Нет, — говорит, — я и железную съем.

Тогда я подумал немного и говорю:

— Ладно. Я знаю, что я с тобой сделаю. С завтрашнего дня я буду тебя в чемодан прятать. Ты чемодан-то, надеюсь, не съешь?

— Нет, — говорит, — не съем. Он пыльный. Вымойте его — тогда съем.

— Ну нет, — говорю. — Спасибо. Не надо. Уж лучше пускай он пыльный стоит.

И на другой день я посадил Феньку в маленький кожаный чемодан. Она ничего — не плакала, не пищала.

Только попросила, чтобы я просверлил несколько дырочек для воздуха.

Я взял ножницы и сделал три дырки. И с тех пор Фенька так там и живёт, у меня в чемодане.

Конечно, выросла немножко за это время: была с большой палец, теперь — с указательный. Но живётся ей неплохо. Даже уютно. Теперь я и окошечко там сделал, в её домике. Спит она на маленьком диванчике.

Обедает за маленьким столиком. И даже маленький-маленький — вот такой — телевизорчик там стоит.

Так что вы её не жалеите, Феньку. А лучше приходите ко мне как-нибудь в гости, и я вас непременно с ней познакомлю.